

УДК 94(47).084.6(=112.2)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.029

Топология провинциальной повседневности в первой половине XX в. по материалам цикла «Местность тут очень хорошая...»

А. И. Казанков

кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии и философии,
Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Аннотация. Статья является продолжением цикла работ, посвященных реконструкции базовых структур провинциальной повседневности Западного Урала в 20–30-х гг. XX в. В основу работы положены оригинальные источники – архивно-следственные дела православного духовенства и «церковных людей», хранящиеся в Пермском государственном архиве социально-политических исследований. Целью настоящей статьи является реконструкция базовых структур повседневной жизни обитателей деревень, сел и заводов¹ Западного Урала в первой половине XX в., выступавших элементами конкретно-исторического жизненного мира. Предметом реконструкции выступает топология пространства повседневности. Применяя уликовую парадигму к материалам «инквизиторской антропологии», автор последовательно разворачивает одну область за другой, поместив в центр обитателя уральских сел, деревень и заводов. Прежде всего реконструируется наиболее опривыченная сфера – «квартира», расположенная «в доме», пасека-«пчельник», храм, церковная сторожка; удаленные, но значимые пространства – монастыри и святыни, архипелаг «хороших» мест, где живут друзья и добрые знакомые. Вне этой сферы расположены публичные пространства, где действуют чужие правила – деревенская лавка, хлебный ларек, кузница, сельсовет. Этот регион повседневности воспринимается как конфликтная, потенциально опасная зона. Пограничными столбами повседневной жизни выступает, с одной стороны, колхоз как область бессмыслицы и бедствия, место, из которого нужно бежать, а с другой – тайное, скрытое убежище (пещера-скит). Горизонтом жизненного мира людей той эпохи выступают мифические пространства – вымышленные, но все-таки обладавшие для них смыслом Индия, Япония, Германия. В этом пространстве размещались и смутные угрозы, и неопределенные надежды на чудо (спасение). Делается вывод о том, что повседневное пространство сворачивается под давлением внешней интервенции, что вполне согласуется с представлением о пришествии последних времен и падении мира.

Ключевые слова: история советской России, провинция, Западный Урал, повседневность, пространство.

В ряде статей, опубликованных ранее [см. 8; 9; 10; 11], автор постарался насколько возможно четко и развернуто обрисовать свою исследовательскую программу, поэтому излагать ее заново подробно не имеет особого смысла. Адресовав всех заинтересованных читателей к данным материалам, воспроизведем лишь основные ее положения. Жизненный мир трактуется в пределах феноменологической традиции как осмысленный, опривыченный, присвоенный и интегрированный в рутинные практики рядовых (массовых) субъектов исторического процесса [см. 12]. При этом «наблюдательной позицией» был избран круг «церковных людей» как обособленной социальной группы, занимавшей предельно маргинальную позицию в советской действительности. Это соответствует принципиальной для нашего исследовательского подхода установке написание истории «снизу». В фокусе предыдущих работ оказывалось и восприятие *времени*, и разделение людей на *своих и чужих, дружба, вражда* и т. п. Логичным, пожалуй, даже необходимым продолжением подобных изысканий стала реконструкция топологии повседневности. Используя метод плотного описания, в предлагаемом тексте мы попытаемся истолковать опыт восприятия пространства как второй (наряду со временем) антропологической константы, столь же значимой для обыденных практик, замкнув в итоге некоторый «провинциальный хронотоп».

Необходимо сделать еще одно предварительное замечание, проясняющее специфику используемых источников и исследовательских технологий. Пространство доминировавших в

© Казанков А. И., 2018

¹ *Определенный тип поселений на Урале, формировавшийся вокруг промышленного предприятия, но по образу жизни обитателей мало отличавшийся от сельского поселения: Кын-завод, Юговской завод, Александровский завод и т. п.*

первой половине XX в. *конечных областей значения* (областей человеческой жизни, вознесенных над повседневностью, выделенных из нее – политики, идеологии, классовой борьбы, мировых войн, социалистической реконструкции хозяйства и т. д.) довольно аморфно и по-особенному континуально. Оно находится везде и нигде, где-то «в сутолоке людской» вообще, что недвусмысленно отчеканено в транс-пространственных и над-локальных метафорах языка эпохи, типа: «во всемирно-историческом масштабе», «от тайги до британских морей», «на международной арене», «к станку ли ты склоняешься, в скалу ли ты врубаешься» (Где этот станок? Где скала?). Над-локален «капитал». Пролетариат «не имеет отечества». Трудно представить себе, что «выдающийся деятель международного революционного движения» или даже рядовой боец «всемирной армии труда» моется в конкретной бане, ходит в определенную булочную, чинит обувь у какого-то сапожника, приобретает сорочку и помазок для бритья в такой-то лавке и заказывает френч известному на всю Одессу портному Капцуговичу. Что у него есть свой дантист, парикмахер и любимая пивная. Нет, это, право, решительно невозможно.

Иное дело – повседневность. Присущая ей умная распорядительность и хлопотливая сосредоточенность действий исторического субъекта всегда и при любых обстоятельствах привязывает осуществляемые им практики к особому месту (локусу), тем самым наделяя это место строго определенным «точечным» содержанием. Принципиальная открытость горизонта жизненного мира – как фундаментальный принцип феноменологического исследования – содержит указание на то, что все места, так или иначе связанные с человеческим «действием и претерпеванием», близкие или совершенно удаленные, обладают для него тем или иным практическим смыслом. Это не просто «места на карте» [см. 1].

Именно эта конкретность, дискретность и, одновременно, интуитивная понятность архитектоники повседневных смыслов представляет главную трудность для исследователя. Прежде всего потому, что не существует нарративов, в которых она высказывалась бы прямо и развернуто. Можно ли представить ситуацию, в которой обитатель или обительница, допустим, деревни Змеевка Веслянского сельсовета Ординского района Свердловской области стал бы растолковывать другим (или хотя бы себе), «в каких местах протекает моя обыденная жизнь и какими смыслами обладают эти места в зависимости от характера ее протекания»? Едва ли они даже смогли бы сформулировать такой вопрос. Поэтому все, что есть в распоряжении историка, – это обмолвки, проговорки, упоминания в связи с чем-то другим, разбросанные там и сям, – поскольку существующая в себе повседневная жизнь ушедшей эпохи все-таки существует для нас только сказываясь в речи (дискурсивно). Одним словом, то, что К. Гинзбург когда-то удачно назвал «улики» [см. 2].

Здесь скрыта вторая трудность. Очевидно, что если эти улики и можно было бы обнаружить, то их следовало бы искать в источниках личного происхождения. Но дело в том, что обитатели западноуральской провинции не часто писали друг другу (и, преимущественно, очень короткие письма), еще реже вели дневники и практически не оставляли мемуаров. А если таковые и были, то ситуация с их сохранностью и доступностью для изучения на сегодняшний день просто катастрофическая. Поэтому у исследователя нет иного пути, как обратиться к тому, что можно обозначить как *инквизиторскую антропологию*. Расставим точки над «и»: если люди не свидетельствовали о себе сами (или мы не располагаем такими свидетельствами по тем или иным причинам), то существовали те, кто должен был их расспрашивать согласно роду профессиональных занятий, а также фиксировать полученные показания. Имеются в виду *инквизиторы* в самом широком смысле этого слова – от психоаналитиков и социальных работников новейшей эпохи до епископов и монахов-доминиканцев Средневековья.

Родовой чертой инквизиторской антропологии является постоянная одержимость тем или иным пафосом-презумпцией (обнаружить эдипов комплекс, контрреволюционную организацию, антиправительственный заговор, вывести на чистую воду скрытого иудея или еретика и т. п.) и принудительный характер получения информации, поэтому этот род источников требует осторожного, сугубо критического отношения. Применительно к советскому времени первой половины XX в. роль инквизиторов, как не трудно догадаться, исполняли оперуполномоченные районных и городских отделов или представительств ОГПУ – НКВД, и несмотря на крайнюю одиозность оставленных ими свидетельств, они расспрашивали людей о них самих, оставляя интересующие нас улики². Вот почему источниковой базой предлагае-

² Именно поэтому фиксация точки наблюдения в среде «церковных людей» особенно эффективна – эта категория граждан СССР подвергалась репрессиям регулярно и часто.

мой работы стала серия архивно-следственных дел, относящихся к 1928–1938 гг., хранящихся в Пермском государственном архиве социально-политической истории.

Приступая к описанию пространства повседневности, согласно общепринятой методике не стоит ничего предполагать заранее (иначе только предположенное и обнаружишь). Но следует точно указать точку отсчета, каковой является всегда именно человек в его особенном, людском бытовании. В первой половине XX в. и в городе, и в деревне люди обитали *на квартире*. Эта устойчивая смысловая конфигурация видна в любом свидетельстве: иначе не говорили, а следовательно – не мыслили. *Квартира* располагалась в *доме*, но не отождествлялась с домом, как, например, в приведенном ниже фрагменте:

«Глеб, епископ Пермский, проживает около Слудской церкви на окраине города Перми, был я у него в первых числах ноября 1932 г. Приезжал на благословение, *был у него на квартире*, побеседовал я с ним не очень долго, коротко, он спросил меня о положении дел епархии, потом я ушел *на квартиру* к гр-ке Анастасии Михайловне, *имеет свой дом* по ул. Набережной, д. № 53, где и переночевал» [19].

Побывать на квартире – это означает попасть в интимно-личное пространство, максимально сократить дистанцию. Именно поэтому в данном случае священник Иван Котельников не просто повидался с епископом Глебом и получил его благословение, но еще и посчитал нужным и важным добавить «был у него на квартире».

Рассказывая о своих странствиях, бродячий проповедник М. Морсковатых говорил следующее:

«За этот период, как я указывал в предыдущих моих показаниях, я был в Усть-Кишертской церкви – тут я находился систематически, священник этой церкви Максимов является моим духовником, в церкви деревни Новой Кунгурского района и в церкви с. Спас-Барда Усть-Кишертского района я был примерно раз по пять – был и в Успенской церкви гор. Кунгур также раз пять, в селе Беркутово за эти 2 года я был раз до 10, в церкви с. Кишерт Усть-Кишертского р-на был раз около 6, в церкви дер. Морзковой в прошлый год был раза 2 – при священнике Котельникове из них навещал один раз, и больше никакие церкви не посещал.

Персонально у духовенства и вообще населения я был на квартирах у следующих лиц (следует перечень. – А. К.)...» [21].

Здесь ясно виден определенный концентрический контур: церкви, которые тоже являлись *хорошим местом* повседневности (внешний, широкий круг, разделяемый с другими добрыми людьми, *своими*), квартиры (внутренний, узкий круг).

Если человек повстречался в церкви (т. е. воспринимался как безусловно *свой*), у него можно *квартировать*: «Первый раз я ездил в Казань в 1925 г. помолиться и квартировал у Зайцева Сергея Степановича. Сам он из г. Казани и служил у белых писарем ж/д коменданта на ст. Новониколаевск, где я с ним и познакомился при посещении церкви» [25]. К тому же где-то непосредственно рядом с церковью есть места, где можно проживать: «25 октября 1932 г. Котельникова Мария Григорьевна приехала из г. Перми в с. Морозково и проживает она у меня в сторожке при церкви...» [19], «...а от него ночевать я уходил в их церковь в сторожку» [21]. Возможно, там еще сохранились странноприимные дома, как в бывшем монастыре на Соломатовой горе: «В монастыре для дальних приходящих и приезжающих имеется отдельный дом, куда Нифонт приходит специально в свободное от службы время...» [28].

Чистым, укромным местом, расположенным неподалеку, но, вместе с тем, не в самой деревне, считалась пасека – «пчельник». Жить на пчельнике мог даже человек, выбравший когда-то добровольный уход из мира. Из показаний иеромонаха-скитника Иосафа (Белорусова): «У Блинова я работал сторожем на его пчельнике года 1½–2, в 1929 году он помер, и я перешел от него в село Ильяк к б/монаху Развиеву Никите и прожил у него до мая месяца 1931 года, у которого работал сторожем на пчельнике» [17].

Дом, в котором «квартира», церковь, рядом с которой обитаемая сторожка, домик для богомольцев, пасека с избушкой, – это типичный перечень хороших, повседневных мест, но он пока не полон. Обратим внимание на то, что, описывая свой визит в Казань, Г. И. Соколов сообщил, что ездил туда с вполне определенной целью – «помолиться». Он указывает на следующий круг «хороших мест повседневности», более удаленных «географически», но в смысловом отношении – пожалуй, даже более близких и значимых, чем окрестные церкви. Это «издревле намоленные» святыни православного христианства, а иногда – и христианства вообще. Вот образцы типичного рассказа о молодых годах, когда формировался стереотип нормального поведения:

«Освободившись от призыва на воинскую службу, примерно в 1894 году, я решил ходить по монастырям и святым местам, молиться богу. Сначала я направился в гор. Киев в Киево-Печерскую лавру – недалеко от Киева я один год работал у крестьян. Из Киева я отправился в Нижегородскую губернию, где около 2-х лет работал на купеческом чугуно-литейном заводе в селе Городец. После этого я приехал на родину... <...> Упустил из виду то, что на родину жить приехал я не из Нижегородской губернии, а из Иерусалима. Уволившись с купеческого завода и получив деньги, я направился в гор. Иерусалим, туда я ездил около года» [23].

Или так:

«После демобилизации снова вернулся в с/х отца, где жил до 1923 года. За этот период в 1914 году так же ходил странствовать, был на Соловецких островах, в Киеве и Москве. <...> В начале 1923 года после смерти родителей я с/хозяйство оставил и стал заниматься странствованием, в котором и был по день моего ареста, т. е. в течение последних 11 лет. За это время я бывал в гор. Тобольске в 1923 году, останавливался в странноприимном доме, в 1925 году в Саровской пустыни и Москве, ежегодно в Верхотурском и Белогорском монастырях. В 1926 году в Великом Устюге, и кроме того систематически ходил в знаменательные религиозные дни по церквям Кунгурской и Пермской епархии» [24].

Предвидя указание на то, что это высказывания людей, для которых паломничество стало образом жизни (оттого их мир повседневного обитания и простирался от Иерусалима до Соловецких островов и от Киева до Тобольска), отметим следующее. Эти странники, судя по отзывам окружающих, пользовались несомненным и немалым уважением среди пожилых людей и людей своего поколения. Вот отзыв о Г. И. Соколове:

«...Человек он представительный, очень вразумительный, имеет большую силу воли, пользуется громадным авторитетом как среди странников своей антисоветской организации в лице Морсковатых и Фотея, так и среди населения, очень тверд в своих действиях, по отзывам Морсковатых и Фотея, так же и местного населения – что Григорий Иванович скажет – то закон, раз Григорий Иванович сказал, то так тому и быть» [27].

Дело, по-видимому, в том, что эти люди воплощали определенный идеальный тип христианского бытия, посещали именно те места, которые были «опорными смысловыми точками» для их современников. Если предельно коротко – они были там, где бы хотели побывать все.

В пространстве между этими привилегированными пунктами архипелагом располагались места, где можно найти пристанище в пути:

«Кроме того, имею адреса следующих лиц на случай поездки – иметь квартиры. 1) Гор. Чистополь Татарской республики, ул. Фрунзе, дом № 54, Анна Севастьяновна Иванова. 2) Гор. Москва, Бахтевская ул., дом 15, Сюзева Анна Васильевна. 3) Гор. Москва, Земледельческий переулок, дом № 16, кв. 1, Кузнецов Макарий Николаевич. 4) Детское село Ленинградской области, Московское шоссе, отдел генетики и селекции, Арсений Васильевич Тохтуев. 5) Гор. Свердловск, 1-я Мельковская, дом № 11, Павел Никандрович Карманов. 6) Гор. Свердловск, врач Мышкин, адреса квартиры не знаю» [20].

Последнее замечание особенно характерно, поскольку показывает, что не человек привязывается к адресу, а адрес – к человеку. В Свердловске нужно найти врача Мышкина (его, видимо, пол-Свердловска знает?), а там и ночлег найдется. Эти точки в пространстве – просто места, где есть *свои люди*:

«Это Осокин Николай Агафонович, лет 45, б/слесарь одного из заводов г. Оханска (сейчас там у него мать), в 1934 г. уехавший в Сухум. Я Осокина узнал во время моих ночевок у него (его мать была церковной старостой), когда я ходил в Казань. Адрес его я взял у его матери, имея намерение с ним списаться и уехать в Сухум – просто пожить и там» [25].

Следующая область пространства освоенного, но едва ли поддающегося присвоению, – это места, где приходится бывать по необходимости. Не по душевной склонности, не потому что там приятно и хорошо, а просто потому, что без этого не обойтись. Возможно, когда-то они были частью повседневного пространства, но сейчас, поскольку все это места публичные, они превратились в точки интервенции со стороны «соввласти». Таковы, например, деревенская кузница, лавка общества потребителей, хлебный ларек, сельсовет, дом заключения. Поэтому они маркируются нейтрально, но чаще – негативно, это конфликтная зона, там неуютно.

Вот типичные отзывы о деревенских лавках:

«Вчера 17 ноября с/г. в саламатовской лавке общества потребителей в присутствии до 20 человек дьякон – Михаил говорил: “Ничего не стало, как-то раньше все было, за чем ты ни

пришел в лавку, того и нет. Вот как надо мануфактуру и сахару, а нам не дают, если и есть что у них, так такая дрянь, что носить нечего". На это я ему ответил – тебе и не надо давать паразиту, вы ведь святым духом должны питаться» [30].

Или: «Лишь в 10 километрах в районе есть только ларек, но и там такая давка, что совершенно нет возможности добраться до какой-либо буханки хлеба» [14].

Кузница тоже запросто могла стать местом столкновения позиций или даже мировоззрений:

«Во время проведения кампании по реализации 3-го займа индустриализации 7–8 сентября с/г. я был в Саламатовской кузнице. Пришел к нам выпивший монах – Паисий направить лопату и когда с него кузнец запросил дорого, то он заговорил: "Советская власть нас и так обдергивает, вот сейчас на 3-й заем нас заставляют ваши правители подписываться по 50 рублей, а где же мы их взяли, да и на что нам эти антихристовы знаки, мы считаем в руки брать их великим грехом. Кругом какой-то произвол и насилие, мужика уж совсем согнули в дугу и разорили этими налогами, житья никому не стало от этих еретиков". Тут мы с ним поругались, он все же остался при своих убеждениях, и я, махнув на него рукой, от него ушел» [29].

Визит священника П. О. Киселева в сельсовет закончился и вовсе трагически.

«31 декабря 1936 г. пред. с/сов. Батуев вызвал меня в с/сов. по вопросу штрафовки, после чего Батуев предложил мне выписать районную газету "Сталинский путь" и журнал "Безбожник". Я последнему ответил, что газету "Сталинский путь" выписывать не желаю, так как она описывает один район, а мне хочется знать о распоряжениях ЦИК и в газете "Сталинский путь" это не печатается. Батуев мне ответил, что я говорю неправду, ибо в этой газете печатаются все решения ВКП(б) и Сов. власти. Я ему ответил, что в газете "Сталинский путь" напечатаны наши Тымбаевские мужицкие сплетни, от журнала "Безбожник" вообще отказался. Батуев ответил мне, что я не прав. Я попросил у него извинения, что я это сказал по ошибке. Батуев мне не извинился. На другой день я пошел на квартиру к пред. с/сов. Батуеву и предложил последнему взятку, чтобы он о высказанных мной контрреволюционных клеветнических фактах по вопросу советской печати не сообщил следственным органам» [18].

Председатель не принял взятку и сообщил следственным органам. Киселева ждал скорый и неправый суд Тройки при УНКВД по Свердловской области, вынесшей ему смертный приговор.

Обращает на себя внимание отсутствие в восприятии пространства оппозиции «городское – деревенское». Пожалуй, можно зафиксировать смысловую «невыведенность» города. Он существует в опыте лишь как место обитания «начальства» (в том числе и церковного), место, где оказывают медицинскую помощь, и место, где сидят в тюрьме:

«В г. Пермь я ездила в 1929 году летом, по делу выемки зубов изо рта, была там 3 дня, и где проходят моления и сороки монашек я совершенно не знаю, о кельях в городе Перми я ни от кого не слышала, я даже не знаю у кого останавливалась ночевать, этого дома мне теперь не припомнить» [26].

«Моя старушка полуживая 20 сего июля уехала в Свердловск лечиться» [15].

«Зашел я к ней потому, что будучи в тюрьме арестованным в 1930 г. она мне передавала посылку для меня, кроме того мне передавала посылку тоже гражданка старушка г. Перми (имя и фамилию ее не знаю), но личность запомнил хорошо. В 1930 г. в тюрьме я познакомился со священником города Перми Кудрявцевым Сергеем, который сидел тоже за сокрытие серебряной советской монеты, в данное время он освобожден и служит в Слудской церкви в г. Перми, адреса квартиры я не знаю, и живет он около Слудской церкви, был я у него в квартире один раз, заходил повидаться после освобождения из тюрьмы» [19].

Описание тех пространств, которые входили в горизонт жизненного мира, но не являлись частью повседневности, мы начнем с такого экзотического вида опыта, как *видение*. Рассказывает сорокалетняя домохозяйка Прасковья Кузнецова:

«...В его, Максимова, приходе работал один бригадир из колхоза, который во время болезни видел видение, "где все колхозники мучаются, а единоличники ликуют". Этот бригадир попросил, якобы, священника Максимова для исповеди, а также созвал всех колхозников его бригады, которым сказал, чтобы они – колхозники – все вышли из колхоза заблаговременно, и вскоре бригадир после исповеди помер» [5].

Показания бродячего проповедника Фотия Петрова уточняют, *как именно* мучаются колхозники и ликуют единоличники:

«О сне одного из бригадиров колхоза я действительно распространял слух в таком виде, в каком его мне передали кто-то из колхозников: бригадир увидел во сне, что единоличники работают на поле в чистых одеждах, а колхозники работают в кипящей смоле» [4].

Эпизод с предсмертным видением бригадира настолько напоминает типичный «бродячий сюжет», *быличку*, что пришлось провести специальный поиск – не встречался ли он за пределами Кунгурского района Пермского края. Результат оказался отрицательным, следовательно, это вполне самобытный продукт народного творчества и аутентичное выражение ментальных стереотипов деревенских жителей Западного Урала. Сама история так хороша, что не нуждается в толковании. Неназванный по имени бригадир (*«бригадир вообще»*) находится на пороге смерти. Его глаза уже устремлены по ту сторону этого преходящего бытия, он глядит в вечность и созерцает истину. Истина открывается в простейших символах: погружение в кипящую смолу – это знак вечного проклятия, пребывание в аду; белые же одежды – одежды праведных, знак спасения для вечной жизни.

Именно этот образ можно считать законченным выражением размежевания пространства правильной повседневной жизни (единоличников) и «безбожной и дьявольской организацией» (по выражению М. Морсковатых) колхоза. То, что с колхозными реалиями сталкивались *ежедневно*, еще не делало их *повседневными*. Это проклятое место, оно таит величайший соблазн. Попасть туда – отдаться антихристу: «Человек, записавшийся в колхоз, не есть уже христианин и член церкви христовой. Самим вам можно видеть, как говорит Мичков, как мучаются колхозники, и он сам себе уже не хозяин, чтобы он захотел сделать, он этого не может» [7].

Попавший в это дьявольское место человек был обречен на голод и нищету, он утрачивает большую часть положительных качеств: становится ленив, бестолков, склонен к пьянству, причем об этом свидетельствовали не только представители «реакционного духовенства и воинствующие церковники», но и лояльные к власти осведомители. Вот что сообщал некий «Карандаш» о жизни колхоза в деревне Агеево:

«В Агеевском колхозе пропало скота за осень 1936 года 36 голов или больше, причина – плохой уход за скотом, конюшни не отепленные, назем не чистится, у руководителей сидит Агеев Демид Абрамович, ходит больше в церковь, чем в колхоз. За свиньями ухаживает Агеев Савелий Кириллович, раньше был избран попом, свиньи падают. Корм есть, а уход отсутствует, на заместителя председателя Агеева Д. А. колхозники обижаются. Женщина беднячка Агеева 5-го февраля говорила, так вот надо идти в правление колхоза, но идти не хочется, Демид на нас орет, а доброго слова не скажет. Надо заметить, сельхозинвентарь весь завален снегом. Ремни на молотилках не сняты, кому угодно только на подметки, все портится...» [32].

А председатель Бородулинского сельсовета по поводу того же колхоза жаловался:

«Используя момент, когда в октябре месяце 1936 года председатель колхоза был на курсах в городе Свердловске в течение месяца, а Демид остался за председателя, он окончательно начал разваливать колхоз. Он прежде всего сам занялся пьянством, по пьянке заболел и говорит, что я сделаю, я больной человек. По его примеру началась поголовная пьянка колхозников, все очередные работы приостановились окончательно. Сорвали вывозку льна. Свежая ржаная солома заскисрдована небрежно, ее проливает дождем, и она гниет. Сено развалено по конным дворам в беспорядке, его топчет под ногами скот и лошади, и никто ничего не делает» [31].

Несмотря на то что колхозники работают с утра до вечера, толку от этого никакого:

«Наши колхозы, что кругом они обнищали, всюду и везде у них ничего не хватает. Лошади гинут от плохого корма. Дисциплины нет и много других причин, при которых им зажиточной жизни не видать, как своих ушей» [6].

Их суета напоминает поведение пчелиного роя без матки – она лишена какого-либо смысла. Да и их жизнь, пожалуй, – тоже. Придумать колхоз, ясное дело, могли только *чужие*, извечные «враги христианства» – *жиды и масоны*.

Иногда невыносимость жизни в подобном мире достигала предела, за которым начиналось обустройство особых, потаенных, пространств обитания. Их трудно назвать привычными местами повседневности, это вполне определено – эксцесс, редко встречающийся повседневческий экстремум, но такие случаи бывали. Рассказывает священник Иван Осетров:

«Я ему пожаловался на свою тяжелую участь и трудную жизнь, после чего он мне предложил пойти и жить вместе с ним. На мой вопрос, где он живет и что делает, Герасим ответил: «Живу я в пещере в лесу верстах в 15 от б/Белогорского монастыря и верстах в 6–10 от дер. Криулиной по Осинскому тракту. Местность тут очень хорошая, близко от пещеры протекает река, можно будет заняться рыболовством и пчеловодством, и одновременно молиться о спасении души, одновременно занимаясь богоугодными делами» [22].

Соблазненный чудным видением жизни «чистой и простой», с рыбалкой, пчелами и богоугодными делами, Осетров решил переселиться в пещеру, оставив службу в деревенской церкви. Но он допустил роковую ошибку – уговорил отправиться с ним попадью. Нужно ли говорить о том, что в пещере они не прожили и двух месяцев... Но само *потайное чистое место* оставалось обитаемым еще четыре года – до полной ликвидации сотрудниками Пермского оперативного сектора ОГПУ в 1934 г.

Обнаруженную нами конфигурацию осмысленного пространства можно представить как ряд последовательно открывающихся горизонтов (концентрических сфер) повседневности, вне которой, с одной стороны, находится «анитхристов колхоз», откуда бегут, а с другой, диаметрально противоположной, – пещера-скит, где прячутся. Однако было бы несправедливо не упомянуть о крайне своеобразных пространствах, которые обнаруживают себя, например, так: «Есть такая страна – Индия, где в газетах пишут: недавно явился Христос, который объявил 20 000 делегатам, что набирает себе 12 учеников, которые должны будут проповедовать по всей земле, по всей вселенной, вот это все и говорит за то, что настали последние времена, о которых предупреждал Христос» [28].

Сообщал об этом примечательном происшествии в 1929 г. слушателям священник, иеромонах Нифонт Агафонов, а происходило дело неподалеку от г. Чусовой. Едва ли туда доходили индийские газеты. Но даже если бы (допустим) доходили, то, при всем уважении к образованности Нифонта (он был весьма ученый человек, знакомый с трудами К. Маркса, В. И. Ленина, Е. Ярославского), он едва ли смог бы их прочесть. В какой же Индии происходил этот своеобразный «кастинг в апостолы»? Разумеется, в *мифической*.

Наше истолкование достигло предельного пространственного пункта, запечатленного в ментальности жителей уральской провинции в первой половине XX в. Он одновременно и имеет отношение к повседневному опыту – в той мере, в которой *именно он* продуцирует те ожидания, которые затем проецируются на мифические дальние страны; и не имеет, поскольку никакого реального повседневного опыта восприятия Индии, Японии, Германии, Испании и т. п. быть *a priori* не могло. Тем не менее и священники, и их паства точно знали, что там происходит, поскольку это *должно было происходить*.

Понятно, что «евреи [должны] расправиться с гоями посредством Американских, Японских и Китайских пушек и завладеть всем миром, после чего наступит социализм во всем мире, и полный социализм – это антихрист» [3]. Ясно, что Япония скоро нападет на СССР. Но есть проблема с заменой риса на хлеб:

«В Японии солдат кормят лучше, чем у нас, живут они хорошо, благодаря этого они будут и хорошо защищать свою буржуазию, но сейчас их приучают есть нашу пищу – худшую, чем у них, чтобы потом не испытывать затруднений, так как во время военных действий им придется есть наш хлеб» [16].

Фашисты в Германии очень хорошая партия, скорее бы они и в Россию пришли: «Партия фашистов самая лучшая партия, при ней крестьяне опять будут жить по-старому единолично и религия будет свободна» [33].

Произносившие подобные сентенции люди были, безусловно, уверены в их достоверности, нам же они интересны в первую очередь тем, что в мифические пространства отправлялись вполне реальные ожидания – и в этом заключается необходимость его присутствия в структуре повседневной ментальности. Это *пространство чуда* в том его определении, которое предложил когда-то А. Ф. Лосев: «...тут имеется в виду сама жизнь и совпадение, или несовпадения, с идеалом – самой жизни» [13, с. 151]. Япония, Индия, Америка и Германия и есть совпадение идеала и фактичности, сущего и должного, реального и воображаемого. Описав это измерение пространства и указав его место и функцию, мы завершаем истолкование топологии жизненного мира.

Реконструкция топологии провинциальной повседневности, выполненная на основе архивных материалов первой половины XX в., может быть истолкована вполне определенно. Строго придерживаясь принципа «смотреть на историю снизу» и предоставляя слово актерам из одного, точно очерченного социального круга, мы описали, фактически, пространство традиционной культуры, правда – зафиксированное буквально на грани коллапса. Образ приближающейся катастрофы явственно присутствует в ментальности «церковных людей» и единоличников «в белых одеждах» – до и вне всякой вероучительной рефлексии. Человеческая деятельность утрачивала смысл. Привычные культурные коды не действовали, исчезала эта удивительная «самосогласованность» слов и жестов, которую всегда предполагает повсе-

дневность. Пространство съезжалось на глазах, разрывалось и завоевывалось чужаками, время готово было остановиться и, в пределах, разумеется, этого жизненного мира – остановилось в итоге. К сожалению, жизненный мир уходил вместе с людьми – его обитателями (по определению).

В его широком горизонте можно попытаться выделить места наиболее привычные и обжитые, места, где человека ничто не стесняет и не «жмет» – как ногу в старой разношенной обуви. Там живут *свои*, и это – «хорошие» и «правильные» места – первая область повседневности. Соответственно, обнаружатся и места, имеющие «нейтральные» коннотации, – своего рода периферия повседневности. Они привычны, даже необходимы – иногда, но там действуют внешним образом заданные нормы и правила – не совсем понятные и «неприятные». Там *свои* могут обернуться *другими*, это потенциально конфликтная зона. Далее, в горизонте жизненного мира есть области, маркируемые (по отношению к пространству повседневности) в смысловом отношении отрицательно. Это место бессмыслицы, абсурда, это вообще место, где нормальному человеку и находиться не подобает. Наконец, есть места, где никто из жителей уральской глубинки никогда не бывал, но судил о них так, словно чуть ли не полжизни там прожил. Они обладали для него несомненным позитивным смыслом. Это – мифические пространства.

Список литературы

1. Бурдые П. Практический смысл. СПб. : Алетейя, 2001. 562 с.
2. Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: Морфология и история. М. : Нов. изд-во, 2004. 348 с.
3. Дополнительные показания обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 103.
4. Дополнительные показания обвиняемого Петрова Ф. М. (Фотия) от 22 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 125–128.
5. Дополнительные показания свидетеля Кузнецовой П. П. от 14 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 95–96 об.
6. Источник «Черемухин» о разговоре с В. Мичковым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Емельянову от 17.02.1937 г. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.
7. Источник «Черемухин» о разговоре с Т. Швецовым. Донесение начальнику Уинского РО НКВД по Свердловской области сержанту Госбезопасности Емельянову от 11.01.1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Спецконверт.
8. Казанков А. И. У «последних времен»: восприятие времени жителями российской провинции в первой половине XX века // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. Вып. № 4 (33). С. 294–317.
9. Казанков А. И. «Я фотографировал церкви, попов, железнодорожников...»: повседневная жизнь деревенского маргинала в первой половине XX века // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2016. Вып. № 1 (32). С. 141–148.
10. Казанков А., Лейбович О. Понять повседневность: эвристический потенциал концепции в исследованиях советской эпохи // Вестник Пермского университета. Сер. «История». 2017. Вып. № 3 (38). С. 82–88.
11. Казанков А. И. Пересуды на завалинке: свои и чужие в повседневной культуре уральской провинции первой трети XX в. // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 11. С. 43–53.
12. Козлова Н. Н., Смирнова Н. М. Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социологические исследования. 1995. № 11. С. 12–22.
13. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М. : Политиздат, 1991. С. 151.
14. Письмо Бояршинова Ф. Г. к Серафиму епископу Томскому // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Т. 1. Л. 177–178 об.
15. Письмо Славнина Н. А. к Некрасову С. А. от 26 июля 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12702. Л. 140–140 об.
16. Показания красноармейца Лосева И. Е., не датированы. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Наблюдательное дело 12396. Л. 2.
17. Протокол допроса обвиняемого Белоусова Н. В. от 23 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 21–23.
18. Протокол допроса обвиняемого Киселева П. О. от 6 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 29374. Л. 9–9 об.
19. Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 29 декабря 1932 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 11–12 об.
20. Протокол допроса обвиняемого Котельникова И. И. от 1 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 26–27 об.
21. Протокол допроса обвиняемого Морсковатых М. Н. от 25 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 88–96.

22. Протокол допроса обвиняемого Осетрова И. И. от 10 июня 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 173–175.
23. Протокол допроса обвиняемого Петрова Ф. М. от 13 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 117–118.
24. Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 11 сентября 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 39–42.
25. Протокол допроса обвиняемого Соколова Г. И. от 20 сентября 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 2. Л. 48 об.–50.
26. Протокол допроса обвиняемой Щелчковой П. С. от 2 января 1933 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8768. Т. 1. Л. 29–29 об.
27. Протокол допроса свидетеля Агафонова Д. Г. от 22 мая 1934 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28183. Т. 1. Л. 135–139.
28. Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 6–6 об.
29. Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 8 об.–9.
30. Протокол допроса свидетеля Неустроева И. И. от 19 ноября 1929 г. // ПермГАНИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 8891. Л. 9–9 об.
31. Протокол допроса свидетеля председателя Бородулинского сельсовета от 9 августа 1937 г. // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 35–35 об.
32. Сообщение агентурного источника «Карандаш» // ПермГАНИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 27754. Л. 2.
33. Сообщение агентурного источника «Чернов» из меморандума на дьякона Плотникова В. Н. ПермГАНИ. Ф. 641/1. Д. 13385. Т. 1. Л. 90.

Topology of provincial everyday life in the first half of the twentieth century according to the materials of the cycle «Terrain here is very good...»

A. I. Kazankov

PhD of philosophy, associate professor of the Department of cultural studies and philosophy,
Perm State Institute of Culture. Russia, Perm.
ORCID: 0000-0002-6647-5047. E-mail: tokugava2005@rambler.ru

Abstract. The article is a continuation of the cycle of works devoted to the reconstruction of the basic structures of the provincial everyday life of the Western Urals in the twenties and thirties of the twentieth century. The work is based on original sources – archival and investigative cases of the Orthodox clergy and «church people», stored in the Perm State Archive of Socio-Political Studies. This time the object of reconstruction is the topology of the everyday space. Applying the clue-based paradigm to the materials of the «inquisitorial anthropology», the author subsequently unfolds one area after another, placing in the center of the inhabitant of the Ural villages, villages and plants. First of all, the most contrived sphere is being reconstructed – the «apartment» located «in the house», the apiary «bee-keeper», the church, the church lodge; remote but significant spaces – monasteries and shrines, an archipelago of «good» places where friends and good friends live. Outside this sphere, there are public spaces where other people's rules operate – a village shop, a bread stall, a smithy, a village council. This region of everyday life is perceived as a conflict, potentially dangerous zone. Border pillars of everyday life are, on the one hand, the collective farm, as an area of nonsense and disaster, a place from which to run, and on the other – a secret, hidden refuge (cave skit). The horizon of the life world of people of that era is mythical spaces – fictional, but still possessing for them the meaning of India, Japan, Germany. In this space, there were vague threats, and vague hopes for a miracle (salvation). The conclusion is drawn that everyday space is curtailed under the pressure of external intervention, which is in full agreement with the idea of the advent of the last times and the fall of the world.

Keywords: history of Soviet Russia, province, Western Urals, everyday life, space.

References

1. Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical sense]. SPb. Aletheia. 2001. 562 p.
2. Ginzburg K. *Mify – ehmblyemy – primety: Morfologiya i istoriya* [Myths – emblems – signs: Morphology and history]. M. New publishing house. 2004. 348 p.
3. *Dopolnitel'nye pokazaniya obvinyаемого Morskovatyh M.N. ot 25 iyunya 1934 g.* – Additional testimony of the accused Morskovatyh M. N. from 25 Jun 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol.1. Sh. 103.

4. *Dopolnitel'nye pokazaniya obvinyaemogo Petrova F.M. (Fotiya) ot 22 iyunya 1934 g.* – Additional testimony of the accused Petrov F. M. (Fotiy) from 22 Jun 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 125–128.
5. *Dopolnitel'nye pokazaniya svidetelya Kuznetsova P.P. ot 14 maya 1934 g.* – Additional testimony of the witness Kuznetsova P. P. from 14 may 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 95–96 turn.
6. *Istochnik «CHeremuhin» o razgovore s V. Michkovym. Donesenie nachal'niku Uinskogo RO NKVD po Sverdlovskoj oblasti serzhantu Gosbezopasnosti Emel'yanovu ot 17.02.1937 g.* – Source «Cheremukhin» about the conversation with V. Michkov. The report to the chief of Uni District Department of People's Commissariat of Internal Affairs of the Sverdlovsk region Sergeant of State Security Yemelyanov from 17.02.1937. // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Special envelope.
7. *Istochnik «CHeremuhin» o razgovore s T. SHvecovym. Donesenie nachal'niku Uinskogo RO NKVD po Sverdlovskoj oblasti serzhantu Gosbezopasnosti Emel'yanovu ot 11.01.1937 g.* – Source «Cheremukhin» about the conversation with T. Shvetsov. The report to the chief of Uni District Department of People's Commissariat of Internal Affairs of the Sverdlovsk region Sergeant of State Security Yemelyanov from 11.01.1937 // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Special envelope.
8. *Kazankov A. I. U «poslednih vremen»: vospriyatie vremeni zhitelyami rossijskoj provincii v pervoj polovine XX veka* [At the «last times»: the perception of time by the inhabitants of the Russian province in the first half of the twentieth century] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* – State, religion, church in Russia and abroad. 2015, iss. № 4 (33), pp. 294–317.
9. *Kazankov A. I. «YA fotografiroval cerkvi, popov, zheleznodorozhnikov...»: povsednevnyaya zhizn' derevenskogo marginala v pervoj polovine XX veka* [«I took pictures of the church, priests, railway workers...»: everyday life of the village marginal in the first half of the twentieth century] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Istoriya»* – Herald of the Perm University. Ser. «History». 2016, No. 1 (32), pp. 141–148.
10. *Kazankov A., Lejbovich O. Ponyat' povsednevnost': ehvristicheskiy potencial koncepcii v issledovaniyah sovetskoj ehpopi* [To understand the everyday: heuristic potential of the concept in Soviet-era studies] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. «Istoriya»* – Herald of the Perm University. Ser. «History». 2017, № 3 (38), pp. 82–88.
11. *Kazankov A. I. Peresudy na zavalinke: svoi i chuzhie v povsednevnoj kul'ture ural'skoj provincii pervoj tret'i XX v.* [Gossip on the bench: own's and others' in everyday culture of Ural province in the first third of the twentieth century] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2017, No. 11, pp. 43–53.
12. *Kozlova N. N., Smirnova N. M. Krizis klassicheskikh metodologij i sovremennaya poznavatel'naya situatsiya* [Crisis of classical methodologies and modern cognitive situation] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological research. 1995, No. 11, pp. 12–22.
13. *Losev A.F. Dialektika mifa* [The dialectics of the myth] // *Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura* – Philosophy. Mythology. Culture. M. Politizdat. 1991. P. 151.
14. *Pis'mo Boyarshinova F.G. k Serafim episkopu Tomskomu* – Letter of Boyarshinov F. G. to Seraphim Bishop of Tomsk // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Vol. 1. Sh. 177–178 turn.
15. *Pis'mo Slavnina N. A. k Nekrasovu S.A. ot 26 iyulya 1937 g.* – Letter of Slavnina N. A. to Nekrasov S. A. on 26 Jul 1937 // PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. File 12702. Sh. 140–140 turn.
16. *Pokazaniya krasnoarmejsca Loseva I.E., ne datirovany* – Testimony of the red army soldier Losev I. E., not dated. PermSASI. F. 641/1. Inv. 1. Supervisory case 12396. Sh. 2.
17. *Protokol doprosa obvinyaemogo Belousova N.V. ot 23 iyunya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Belousov N. V. from 23 Jun 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 21–23.
18. *Protokol doprosa obvinyaemogo Kiseleva P. O. ot 6 avgusta 1937 g.* – Protocol of interrogation of the accused Kiselev P. O. 6 Aug 1937 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 29374. Sh. 9–9 turn.
19. *Protokol doprosa obvinyaemogo Kotelnikova I.I. ot 29 dekabrya 1932 g.* – Protocol of interrogation of the accused Kotelnikov I. I. from December 29, 1932 // PermSASI. F. 641/1. Inv.1. File 8768. Vol. 1. Sh. 11–12 vol.
20. *Protokol doprosa obvinyaemogo Kotelnikova I. I. ot 1 yanvarya 1933 g.* – Protocol of interrogation of the accused Kotelnikov I. I. from 1 January 1933 // PermSASI. F. 641/1. Inv.1. File 8768. Vol. 1. Sh. 26–27 turn.
21. *Protokol doprosa obvinyaemogo Morskovatyh M. N. ot 25 maya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Morskovatyh M. N. 25 may 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol.1. Sh. 88–96.
22. *Protokol doprosa obvinyaemogo Osetrova I. I. ot 10 iyunya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Osetrov I. I. of June 10, 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 173–175.
23. *Protokol doprosa obvinyaemogo Petrova F. M. ot 13 maya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Petrov F. M. May 13, 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol.1. Sh. 117–118.
24. *Protokol doprosa obvinyaemogo Sokolova G. I. ot 11 sentyabrya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Sokolov G. I. from 11 Sep 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 39–42.
25. *Protokol doprosa obvinyaemogo Sokolova G.I. ot 20 sentyabrya 1934 g.* – Protocol of interrogation of the accused Sokolov I. G. 20 Sep 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 2. Sh. 48 turn–50.
26. *Protokol doprosa obvinyaemog SHChelchkovoj P.S. ot 2 yanvarya 1933 g.* – Protocol of interrogation of the accused Shchelchkova P. S. 2 Jan 1933 // PermSASI. 641/1. Inv.1. File 8768. Vol. 1. Sh. 29–29 turn.
27. *Protokol doprosa svidetelya Agafonova D. G. ot 22 maya 1934 g.* – Protocol of interrogation of witness G. D. Agafonov on May 22, 1934 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 28183. Vol. 1. Sh. 135–139.

28. *Protokol doprosa svidetelya Neustroeva I. I. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness I. I. Neustroev from November 19, 1929 // PermSASI. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 6–6 turn.
29. *Protokol doprosa svidetelya Neustroeva I. I. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness I. I. Neustroev from November 19, 1929 // PermSASI. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 8 turn. – 9.
30. *Protokol doprosa svidetelya Neustroeva I. I. ot 19 noyabrya 1929 g.* – Protocol of interrogation of witness I. I. Neustroev from November 19, 1929 // PermSASI. 641/1. Inv. 1. File 8891. Sh. 9–9 turn.
31. *Protokol doprosa svidetelya predsedatelya Borodulinskogo sel'soveta ot 9 avgusta 1937 g.* – Protocol of interrogation of witness the Chairman of Borodulin village council from August 9, 1937 // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 27754. Sh. 35–35 turn.
32. *Soobshchenie agenturnogo istochnika «Karandash»* – Message of intelligence source «Pencil» // PermSASI. F. 643/2. Inv. 1. File 27754. Sh. 2.
33. *Soobshchenie agenturnogo istochnika «CHernov» iz memorandum na d'yakona Plotnikova V. N.* – Message of intelligence source «Chernov» from a Memorandum on the deacon Plotnikov V. N. PermSASI. 641/1. File 13385. Vol. 1. Sh. 90.